

МОРОЗОВА О. І.

(Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна)

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ЗНАЧЕНИЯ

Морозова О.І. Когнітивно-комунікативний підхід до розуміння природи значення. У статті систематизовано підходи структуральної, формально-логічної та функціональної семантики до трактування природи значення. В межах останньої виокремлено когнітивно-комунікативний підхід, своєрідність якого міститься у притаманних йому процедурах аналізу, в яких застосовуються категорії, характерні для діяльнісного стилю мислення, зокрема, контраст фігури та фону. Продемонстровано застосування прийому використання дистинкцій до аналізу мовного матеріалу.

Ключові слова: діяльнісний стиль мислення, значення, когнітивно-комунікативний підхід, фон та фігура, прийом використання дистинкцій.

Морозова Е. И. Когнитивно-коммуникативный подход к пониманию природы значения. В статье систематизированы подходы структуральной, формально-логической и функциональной семантики к трактовке природы значения. В рамках последней выделен когнитивно-коммуникативный подход, своеобразие которого заключается в свойственных ему процедурах анализа, в которых задействованы категории, характерные для деятельностного стиля мышления, в частности, контраст фигуры и фона. Продемонстрировано применение приема использования дистинкций к анализу языкового материала.

Ключевые слова: деятельностный стиль мышления, значение когнитивно-коммуникативный подход, фон и фигура, прием использования дистинкций.

Morozova O. I. Cognitive/Communicative Approach to Understanding the Nature of Meaning. This article systematizes the approaches of structural, formal and functional semantics to understanding the nature of meaning. Cognitive/ communicative approach, which is a variety of functionalism, has been defined as the one characterized by specific research procedures. These involve categories characteristic of the discursive style of thinking, in particular, those of figure and ground. The technique of using distinctions is applied to analyzing linguistic data.

Key words: discursive style of thinking, meaning, cognitive-communicative approach, figure and ground, the technique of using distinctions.

Объектом рассмотрения в данной статье являются подходы к трактовке природы значения, а **предметом** – характерные для них приемы и методы. **Целью** статьи является определение сущности когнитивно-коммуникативного подхода к исследованию значения языковых единиц и соответствующих ему методов анализа путем выявления его места среди иных подходов.

В самом широком смысле *значение* языкового знака трактуется как вся та информация, которая передается с его помощью (ср. «означаемое» у Ф. де Соссюра и «план содержания» у Л. Ельмслева). Однако термин

«значение», как отмечает И. М. Кобозева [2000, с. 43], печально известен своей неоднозначностью. У этого обстоятельства существуют объективные причины, кроющиеся в сложности структуры языкового знака, в котором взаимодействуют, по меньшей мере, четыре типа сущностей: (1) структурные категории, отражающие отношения между единицами языковой системы; (2) онтологические категории (действительного мира); (3) гносеологические категории (мыслительные); (4) прагматические категории, связанные с целенаправленным использованием языка в деятельности человека. Соответственно, звуки или письменные символы естественного языка передают минимум четыре разных типа информации: (1) о том, как знак связан с другими знаками; (2) о каком-то фрагменте реальности; (3) о форме отражения этого фрагмента в сознании человека; (4) об условиях, в которых знак используется. Значением, соответственно, может называться информация каждого из этих типов или их определенных комбинаций.

(1) С позиций *структурального* подхода значение языковой единицы трактуется как приходящаяся на нее доля некоего общего содержания, соотносимого с совокупностью всех знаков языка, к которому относится данный знак. Такая трактовка значения восходит к экономической теории, которая во время создания Ф. де Соссюром «Курса общей лингвистики» (рубеж XIX и XX веков) переживала период интенсивного развития. Согласно данной трактовке, значение языковой единицы, подобно рыночной стоимости, локализовано в области отношений определенного рода – семантической значимости (по де Соссюру, ценности / valeur).

(2) *Формально-логический* подход трактует значение как референцию, т.е. отношение между языком и действительностью: полагается, что значение «извлекается» пользователями языка из референциальной соотнесенности между языковым знаком и миром. Л. Витгенштейн отмечает, что такое понимание значения коренится в примитивном представлении о функционировании языка, «или же, можно сказать, в представлении о более примитивном языке, чем наш» [Витгенштейн 1945, п. 2].

(3) В русле *функционального* подхода, в соответствии с дифференциацией контекстов употребления языковых знаков на ментальные (индивидуальные) и социальные (коллективные), выделяются когнитивное и коммуникативное (или дискурсивное) направления. Разделение это условно, поскольку, как считают психологи, восприятие предметов и явлений действительности осуществляется одновременно с индивидуальной и коллективной позиций. При этом происходит их «обобществление в индивидуальном акте видения», «выхватывание» из вещи, явления некоего образа (общественного, коллективного) и «оборачивание» этим образом как формой воспринимаемого фрагмента действительности (индивидуальное) [Григорьев 2003, с. 134].

Общим для когнитивного и коммуникативного направлений функционализма является рассмотрение значения языковой единицы в контексте неязыкового (энциклопедического) знания. Данное положение принято считать открытием Л. Витгенштейна: у него практика, или «форма

жизни», задает условие осмысленности повседневного языка, а «значение слова есть его употребление в языке» [Витгенштейн 1945, п. 43].

(3.1) К идее о том, что значение слова определяется его использованием, которое Витгенштейн называет языковой игрой, восходят методологические установки современной **коммуникативной** семантики. В ходе языковой игры (в зависимости от ситуации и понимания ее участниками коммуникативного взаимодействия) в «общем» значении языковой единицы «актуализируются» (высвечиваются) определенные аспекты. Позиция, согласно с которой язык представляет собой единое целое с действиями, «с которыми он переплетен» [там же, п. 43], воспринимается в научных кругах как нечто среднее между бихевиоризмом и герменевтикой.

(3.2) С позиций **когнитивной** семантики значение слову придают глубинные структуры знания, находящиеся в сознании субъекта. По этой причине подход когнитивистов иногда упрощенно считают субъективистским. Когнитивная семантика, однако, не представляет собой методологически единой сферы: в ней выделяются символьное и субсимвольное (коннекционистское) направления, в которых понимание природы значения существенно различается.

(3.2.1) Представителями **символьной** когнитивной семантики (школа А. Вежбицкой) значение трактуется как стабильная ментальная сущность, которая хранится в памяти человека «в готовом виде» и извлекается оттуда при употреблении соответствующей языковой формы.

(3.2.2) **Коннекционисты** (Дж. Лакофф, Р. Ленекер, Л. Телми, Ж.Фоконье, М.Тернер, А.Верхаген, Й.Златев, У.Крофт, В.Эванс и др.) придерживаются той точки зрения, что значение конструируется (каждый раз заново!) в контекстах коммуникации, каждый из которых уникален, т.е. оно представляет собой динамическое знание, рождающееся в процессе интерпретации. Коннекционизм является западным аналогом (и источником) когнитивно-коммуникативного / дискурсивного подхода, который сегодня интенсивно развивается в восточноевропейском языкознании.

Под знаменем **когнитивно-коммуникативного** подхода к анализу языка сегодня выступают многочисленные исследователи. При объяснении же сути данного подхода, как правило, ограничиваются формулировками самого общего плана и ссылкой на Е. С. Кубрякову, которой принадлежит данный термин [Кубрякова 2004].

Особенность термина «когнитивно-коммуникативный» мы усматриваем в том, что он характеризует общий стиль многих исследований начала XXI в. (именно стиль, а не общий набор теоретических положений). Попытка выделить здесь ряд общих теоретических позиций дает, в отличие от структурального и формально-логического подходов, весьма банальный результат, например: «В основе когнитивно-коммуникативного / дискурсивного подхода лежит понимание языка и как одной из основных способностей человеческого мозга, связанных с осуществлением ментальных операций, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека (в том числе речевого общения), и как главного

средства передачи знаний в процессе коммуникации»; «подход к анализу языковых явлений, предполагающий их разностороннее освещение с точки зрения выполняемых ими когнитивных и коммуникативных функций» [Цурикова 2009, с. 78]. Отличительной чертой когнитивно-коммуникативного подхода, таким образом, полагается его комплексность, интегративность, в известном смысле, междисциплинарность.

Помимо этого, данный термин в ряде случаев становится «перевертышем», превращаясь в «коммуникативно-когнитивный». По мнению сторонников данного направления, это предполагает «с одной стороны, рассмотрение дискурса в терминах речевых событий и речевых актов, анализ собственно языковых его свойств и релевантных экстралингвистических (социопрагматических) факторов, а с другой стороны – описание структур репрезентации различных видов знания, детерминирующих речевые стратегии коммуникантов и выбор конкретных языковых форм в процессе их дискурсивной деятельности» [там же, с. 79].

Мы придерживаемся мнения, что при выявлении специфичности когнитивно-коммуникативного подхода лучше оставаться на уровне описания его процедур, в которых используются категории, характерные для **деятельностного стиля мышления**, в частности, фона и фигуры, которые лежат в основе различий «концепт – домен / когнитивная модель» (когнитивная семантика), «профиль – база» (когнитивная грамматика), «текст – ситуационный контекст» (дискурсология), «референтная ситуация – коммуникативная ситуация» (коммуникативная лингвистика) и т.д. Фигуры и фона как целостной структуры, лежащей в основе любого осмысленного восприятия, берет свое начало в гештальтпсихологии. Все, что воспринимается каким-либо осмысленным образом, воспринимается как **фигура на фоне**, причем это соотношение может меняться: то, что виделось как фигура, может вытесняться на задний план, становясь фоном и давая возможность выделиться другой фигуре. Фон не является чем-то скрытым; в то же время он, по условию, не замечается, поскольку функционирует как условие, придающее смысловую определенность фигуре.

При перенесении этой идеи на механизмы любого, не только зрительного, смыслообразования, можно представить, вслед за Витгенштейном, и то, что понимается под «фоном» или «задним планом» по отношению к бытовому разговору или любому другому способу производства смысла: «Как можно описать человеческое поведение? Несомненно, лишь показав все разнообразие человеческих действий в их полном смешении. Не то, что *один* человек делает в *данный момент*, а вся сумятица [действий] образует тот фон, на котором мы видим любое действие и который задает наши суждения, наши понятия и наши реакции» [Wittgenstein 1980, p.97]. Лингвистическая трактовка фона – это **деятельностный контекст**, в котором интерпретируется высказывание. Отметим, однако, что понятие фона отличается от понятия контекста, популярного в 1960-70-е г.г. Контекст предполагает некое плоскостное видение соотношения феноменов, находящихся в одном контексте, рядоположенных в нем. Категория фона

акцентирует определенное глубинное видение проблемы, связанное с отношением фигуры на переднем плане и фона, который составляет задний план. В фон вписан и сам субъект восприятия (мышления, говорения).

В повседневной работе языка значение его единиц доопределяется их фоном, т.е. тем, что само в языке напрямую не представлено, но при этом не является «скрытым». Иными словами, понимание значения любой языковой единицы всегда предполагает неявную отсылку к общедоступному массиву знаний о том, каково «устройство» вещей и как «работает» данная культура. Таким образом, при когнитивно-коммуникативном подходе к пониманию природы значения полагается, что именно фоновые практики формируют значение единиц языка.

Знание о фоновых практиках не объективируемо. Вернее, объективировать знание о них, полностью описать и проанализировать задний план для вербальной коммуникации, происходящей на переднем плане, можно, но знание, которое будет получено в ходе такого анализа, не будет знанием о фоновых практиках. Дело в том, что фоновые практики потому и фоновые, что они остаются на заднем плане, незаметны при описаниях предмета и действиях с ним, которые попадают в фокус сознания на переднем плане. Если сами фоновые практики сделать объектом теоретического описания и анализа, то они выйдут на передний план, станут «видимы» и в таком виде могут быть описаны по частям или полностью, но условием этого описания будет то, что уйдет на задний план что-то другое – и станет фоновым условием для только что полученного нами описания. Иными словами, когда мы пытаемся объективно описать фоновые практики, описать их как обычный предмет научного знания, они как раз в этот-то момент и не функционируют как фоновые практики – ведь они в данный момент находятся в фокусе сознания, на переднем плане. А значит, мы описываем не фоновые практики, а что-то другое.

Как же можно изучить эту «новую реальность языка», которая ранее была неизвестна языковедам? Один из возможных путей исследования фоновых практик – это исследование контрастов, различий / дистинкций. Обратимся к примерам. (1) *He was the only possible acceptable escape from her father – the only escape acceptable to her father* (M.Drabble). В первой части предложения сообщается о том, что единственным приемлемым способом избежать тирании отца для девушки, о которой идет речь, является замужество. Знание о приемлемости / неприемлемости того или иного пути является фоновым, культурно обусловленным (пресуппозиция): так, по-видимому, рассуждает сама девушка. Вторая часть предложения представляет собой своеобразное зеркальное повторение данной ситуации, но внутри измененного, ограниченного пространства, в котором речь уже идет о единственном приемлемом для отца способе (*acceptable to her father*). Несмотря на то, что в данном случае ситуация внешне имеет монологичный характер, она диалогична, интерактивна по своей глубинной сути, поскольку в ней имеет место полифония голосов, произносящих слово *acceptable* – это голоса девушки и ее отца.

Полифония, ведущая к изменению фона, может наблюдаться и в случае принадлежности разных голосов одному и тому же субъекту, который из целостного, неразделенного субъекта, индивида становится, в терминах Ж.Лакана, «дивидом, разделенным субъектом: (2) *The view from the back was that of an old man, thin, frail, intolerable to live with, intolerable to think of as one day not being there because she would have nothing to live for herself* (J.Scott). В данном случае субъект квалифицирует оба варианта ситуации (<отец жив> – <отец мертв>) как неприемлемые для него (*невыносимые – intolerable*).

Подведем краткие итоги. Наиболее созвучным с когнитивно-коммуникативным подходом к исследованию языка представляется деятельностный стиль мышления, представляющий собой порождение глобализации (принцип «увидеть другими глазами»). Когнитивно-коммуникативный подход представляет собой качественно новую альтернативу структуралистским и формально-логическим теориям, в которых полагается, что смысл языковой деятельности придает система знаков или объективная действительность: с его позиций значение языковых единиц формируют фоновые практики, представляющие собой «он-лайнный» контекст осуществляемой при помощи языка деятельности (когнитивный / индивидуальный и коммуникативный / социальный). Для исследования фоновых практик требуются качественно иные методы и приемы, одним из которых является использование дистинкций. Перспективы дальнейших исследований лежат в разработке данного приема, а также выявление других методов и приемов исследования фоновых практик.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. 1945 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/index.shtml>
2. *Григорьев А.А.* Культурологический смысл концепта: Дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. – М., 2003. – 176 с.
3. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: Учебник. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. *Цурикова Л.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М., 2009. – С. 78-79.
6. *Wittgenstein L.* Remarks on the Philosophy of Psychology. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – Vol. 1. [Electronic edition]. Access: <http://www.nlx.com/collections/121>